

На правах рукописи

Яковкин

Яковкин Евгений Васильевич

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
С ЯПОНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ В МАНЬЧЖУРИИ
(1932–1945 гг.)**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание учёной степени
кандидата исторических наук

Челябинск – 2024

Работа выполнена на кафедре междисциплинарных исторических исследований ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель –

Подпрятков Николай Вячеславович,
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры
междисциплинарных исторических
исследований ФГАОУ ВО «Пермский
государственный национальный
исследовательский университет»

Официальные оппоненты:

Наземцева Елена Николаевна
доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник Отдела Китая
ФГБУН Институт востоковедения
Российской академии наук

Окороков Александр Васильевич
доктор исторических наук,
заместитель директора по научной
работе ФГБНИУ «Российский
научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С. Лихачева»

Ведущая организация –

ФГБУН Институт истории Сибирского
отделения Российской академии наук,
г. Новосибирск

Защита состоится «17» мая 2024 г., в 16:00 часов, на заседании диссертационного совета 24.2.437.04 при ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)» (по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. им. Ленина, 76, ауд. 1007).

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте Южно-Уральского государственного университета: <https://www.susu.ru/ru/dissertation/24243704-d-21229813/yakovkin-evgeniy-vasilevich>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

М.И. Мирошниченко

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В исторической науке России в последние годы наблюдается интерес к судьбе дальневосточной ветви русского зарубежья. Большая часть российских эмигрантов с Дальнего Востока, покинувших Родину после российской революции и гражданской войны 1917–1922 гг., оказалась на территории Китая, прежде всего в Маньчжурии. После оккупации Маньчжурии в 1931–1932 гг. японцами было создано квазигосударство Маньчжу-Го (с 1934 г. – Маньчжу-Ди-Го). Новые власти начали проводить политику ассимиляции местного населения с японской и маньчжурской культурой. Перед российскими эмигрантами стоял непростой выбор: или принять новые правила жизни, или покинуть Маньчжурию. Отказаться от сотрудничества с новыми властями было очень сложно по многим причинам.

Изучение различных видов взаимодействия русских эмигрантов с японо-маньчжурскими властями, позволяет понять, почему многие русские эмигранты шли на службу к японцам, дать более объективную оценку развитию российской эмиграции в Маньчжурии в период японской оккупации и отойти от упрощенного представления, что с японцами сотрудничала лишь малозначительная часть русских эмигрантов, состоящая из одних фашистов и казаков-семеновцев.

Степень научной изученности темы. Историографию российской эмиграции в Китае можно разделить на две группы: отечественная и зарубежная. Отечественную историографию можно разделить на 3 части: эмигрантская историография; советская историография и современная российская историография.

В отечественной историографии первыми стали изучать историю русской эмиграции сами эмигранты; многие из них были очевидцами японской оккупации, в том числе непосредственными участниками этих событий, и пытались понять и зафиксировать их. О. Лешко (Н.С. Гинчас), рассматривая общественно-политическую жизнь российских эмигрантов в Китае, описывает историю создания маньчжурского государства, общественно-политическую деятельность российских эмигрантов в нем.

Сотрудничавших с японцами русских эмигрантов, которые арестовывали всех, кто был заподозрен в работе на китайских партизан и антияпонской пропаганде, он называет «фашиствующими попутчиками»¹.

В издании периода японской оккупации, вышедшем в свет в конце 1942 г. к 10-летию Маньчжу-Ди-Го, со ссылками на официальные документы Маньчжу-Ди-Го (с приведением их текстов) довольно подробно излагается история появления русских в Маньчжурии, строительства КВЖД, г. Харбина, Русской православной церкви в Маньчжурии, в т.ч. рассмотрены вопросы возникновения Бюро по делам российской эмиграции в Маньчжурской империи, дана характеристика всех русских эмигрантских организаций и объединений².

После окончания Второй мировой войны и исхода русской эмиграции из Маньчжурии появляются труды русских эмигрантов, в которых печатаются материалы о жизни в Маньчжурии, в том числе и в период, когда этот регион находился под контролем японцев³. П. Балакшин попытался обобщить и проанализировать историю возникновения русских общин в Китае, процессы становления и развития политических партий и организаций, показать роль Японии в установлении контроля над русскими эмигрантами, обрисовать дальнейшую эмиграцию из Китая в послевоенные годы. Основное внимание автор уделит противостоянию советских и японских спецслужб⁴.

Работа В. Петрова по истории русской эмиграции в Китае посвящена г. Харбину. На основе личных воспоминаний и документов в ней описывается повседневная жизнь в Харбине, взаимоотношения русских эмигрантов и японских властей⁵. Е.М. Красноусов на основе документальных источников излагает историю Шанхайского русского полка, состоявшего из русских эмигрантов и входившего в Шанхайский волонтерский корпус в

---

¹ Лешко О. Русские в Маньчжугу. – Шанхай, 1936; Он же. Скидельские // Новое русское слово. 19 июля 1965. № 19. С. 2–3.

² Великая Маньчжурская империя (К десятилетнему юбилею). – Харбин, 1942.

³ Г.Е.Р. Судьбы русских в Китае (Выдержки из доклада) // Русский в Австралии. 1954. № 8. С. 11–16; Авенариус С. Краткая история КВЖД // Политехник. 1970. № 2. С. 12–23; От СМПИ до СМУ // Политехник, 1972. № 4. С. 12–13; Писемский Г. Харбинский русский техникум // Политехник. 1976. № 8. С. 5–11.

⁴ Балакшин П.П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: [в 2 т.]. Сан-Франциско–Париж–Нью-Йорк, 1958; Переиздание: Балакшин П. Финал в Китае: возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке: [в 2 т.]. / Петр Балакшин [биограф. очерк, коммент., биограф. указ. имен. А.А. Хисамутдинова]. – М., 2013.

⁵ Петров В. Город на Сунгари. Вашингтон, 1984.

1927–1946 гг.⁶ Автор приводит копии документов, даёт обзор общественных настроений в эмигрантских кругах в Китае в 1930-х – 1940-х гг.

Эмигрантский историк М. Раев в своем исследовании, опубликованном в 1990 г. в Нью Йорке, обзорно показывает, как русские эмигранты пытались сохранить свою культуру в разных частях света, в том числе в Китае⁷. Усилиями Русского исторического общества в Австралии была опубликована книга Е. Ширинской, где дается краткий обзор зарождения русской диаспоры и её развития в 1920–1940-е гг. через историю развития просвещения и культуры. Автор, отмечая, что с приходом японцев жизнь стала более насыщенной, подчеркивает, что все должны были быть лояльны Японии⁸.

Таким образом, русская эмигрантская литература ограничивается простым перечислением событий прошлого, в то же время в ней содержится уникальный материал, показывающий особенности взаимодействия русской эмиграции с японскими властями в Маньчжурии.

Советская историография в силу идеологических причин вообще скупо рассматривала русскую эмиграцию как явление. И.М. Камский в небольшой брошюре критически рассматривает историю расселения русских эмигрантов в Китае (в Синьцзяне, и в Маньчжурии)⁹. Е. Полевой, выделяя такие слои как «обыватели», «беженцы» и «активные враги советской власти», описывает занятия русских эмигрантов, их взаимоотношения с китайскими властями¹⁰. В.Я. Аварин всех представителей русской эмиграции показывает, как пособников японской военщины¹¹. Среди исследовательских работ, изданных в годы Второй мировой войны, можно выделить серию брошюр – эссе Г.С. Кара-Мурзы, посвященных характеристике русской эмиграции, японской оккупации Маньчжурии, государственному устройству и внутреннему положению в Маньчжу-Ди-Го¹². Так же в этот период и позже выходят

---

⁶ Красноусов Е.М. Шанхайский русский полк. Сан-Франциско, 1984.

⁷ Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939. М., 1994. С. 36, 88.

⁸ Ширинская Е. Харбин – Маньчжурия. Сидней, 2000.

⁹ Камский. Русские белогвардейцы в Китае. М., 1923.

¹⁰ Полевой Е. По ту сторону китайской границы. Белый Харбин. Москва; Ленинград: Государственное издательство, 1930.

¹¹ Аварин В. Я. «Независимая» Маньчжурия. М., 1934.

¹² Кара-Мурза Г.С. Манчжоу-Го – военный плацдарм Японии против СССР. Б.М., 1942; Он же. «Новый порядок» в Манчжоу-Го. Б.М., 1942; Он же. Идеологическая подготовка Манчжурского плацдарма. – Б.М., 1944; Он же. Колониальный режим в Маньчжоу-Го. Чита, 1944; Он же. Марионеточное государство Манчжоу-Го. Выпуск III. Международное положение Манчжоу-Го. Чита, 1944; Он же. Общество «Кювакай». – Б.М., 1944; Он же. Марионеточное государство Манчжоу-Го. Выпуск I. Административное устройство.

в основном справочники по русской эмиграции, предназначенные для служебного пользования сотрудникам советских спецслужб¹³. В справочнике архивного отдела УМВД по Хабаровскому краю приводится краткое изложение возникновения, структуры и деятельности «Союза казаков на Дальнем Востоке», приведены краткие оперативные сведения обо всех, кто состоял в этой организации¹⁴.

После долгого перерыва в 1980-е гг. Д.Л. Голиков и Л.К. Шкаренков, основываясь на архивных документах, они исследовали деятельность эмигрантских организаций в 1930-е – 1940-е гг., прежде всего касаясь деятельности Русского общевойскового союза и Братства русской правды¹⁵. В. Сонин сосредоточил внимание на вопросах взаимоотношений русской военной эмиграции с японскими военными¹⁶. Г.Ф. Захарова в работе о японской политике в Маньчжурии проанализировала цели и планы Японии по созданию военно-стратегического плацдарма в Маньчжурии для последующей агрессии против Советского Союза¹⁷.

Таким образом в советской исторической литературе деятельность русской эмиграции на Дальнем Востоке изображалась в негативном ключе как инструмент агрессивной японской политики.

На этапе современной российской историографии открытие ранее закрытых архивов и возможность работы в зарубежных архивах вызвало существенный рост работ по истории русской эмиграции в Китае в постсоветской России. В 1990-е гг. появляются работы по истории отдельных регионов Китая, в том числе и центра русской эмиграции – Харбина. Труды Е.П. Таскиной, Г.В. Мелихова посвящены жизни русских эмигрантов в Маньчжурии. Работа китаеведа, русского харбинца Г.В. Мелихова посвящена первым русским поселениям в Маньчжурии, строительству Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). В ней исследована также общественная жизнь русских эмигрантов в регионе, а также в Трехречье: в городах Хайлар,

---

Б.М., 1945; Он же. Марионеточное государство Манчжоу-Го. Выпуск II. Государственное устройство и государственный аппарат. – Б.М., 1945.

¹³ Белоэмиграция в Маньчжурии: в 3 т. Чита, 1942.

¹⁴ Справочник-список руководящего и рядового состава – членов белогвардейского «Союза казаков на Дальнем Востоке», находившегося на территории Маньчжурии. Хабаровск, 1950.

¹⁵ Голиков Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР: в 2 кн. – М., 1984; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. – М., 1987.

¹⁶ Сонин В. В. Крах белоэмиграции в Китае. – Владивосток, 1987.

¹⁷ Захарова Г.Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1931–1945. – М., 1990.

Маньчжурия, Пограничная¹⁸. В 2007 году Г.В. Мелихов публикует обобщающую монографию, в которой подробно изучает общественно-политическую жизнь русской эмиграции, раскрывает участие эмигрантов как в гражданской войне в Китае, так и в советско-китайском конфликте на КВЖД, а также отношение эмигрантов к японскому вторжению в Маньчжурию¹⁹.

Существенный вклад в изучение русской эмиграции в Азиатско-Тихоокеанском регионе привнес А. Хисамутдинов. В своих трудах автор дает краткую характеристику основных общественных, благотворительных, политических организаций, рассматривает биографии видных представителей Русского Зарубежья в Китае²⁰.

Большую работу проделал исследователь А.М. Буяков, собиравший по крупицам материалы о русских эмигрантах в Китае, работавший в ведомственных архивах ФСБ Хабаровска и Владивостока²¹. Отдельно следует отметить работу А.Л. Худобородова, которая посвящена судьбам казачьей эмиграции, в том числе и на Дальнем Востоке²².

Во второй половине 1990-х гг. выходят сборники статей, посвященные разным аспектам жизни эмигрантов в Маньчжурии²³. В них рассматривались судьбы отдельных эмигрантов, в том числе и тех, кто решил вернуться на Родину, а также отношение эмигрантов к японским властям в Маньчжурии и политические позиции эмигрантов в годы Второй мировой войны.

2000-е гг. характеризуются всплеском внимания историков к проблемам дальневосточной эмиграции (в это время выходят работы Н.Е. Абловой, Н.Н. Аблажей, Е.Е. Аурилене, О.Г. Гончаренко)²⁴. Н.Е. Аблова провела большую работу по составлению подробной историографии, связанной с российской эмиграцией в Китае, советско-китайскими отношениями,

---

¹⁸ Мелихов Г.В. Маньчжурия далекая и близкая. М., 1991; Он же. Белый Харбин: Середина 20-х. М., 2003.

¹⁹ Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М., 2007.

²⁰ Хисамутдинов А.А. По странам рассеяния: 2 ч. Владивосток, 2000. Ч.1. Русские в Китае; Ч.2: Русские в Японии, Америке и Австралии; Он же. Российская эмиграция в Китае: Опыт энциклопедии. Владивосток, 2001. Он же. Русские волны на Пасифике. Из России через Китай, Корею и Японию в Новый свет. Владивосток-Пекин, 2014.

²¹ Буяков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хуньчунь, Цинаньфу, Шанхай): 1921–1949 гг. Владивосток, 2005.

²² Худобородов А.Л. Вдали от родины: российские казаки в эмиграции: Учебн. издание. Челябинск, 1996.

²³ Русский Харбин и Пермь: сб. мат.-лов. науч.-практ. конф. (15 мая 1998 г.). Пермь, 1998; Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000.

²⁴ Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск, 2008; Гончаренко О.Г. Русский Харбин. М., 2009.

строительством и развитием КВЖД. В своей книге автор исследует деятельность Всероссийской фашистской партии, действия японских оккупационных сил в Маньчжурии, в том числе пропаганду²⁵. В труде Н.Н. Аблажей исследуются процессы эмиграции и реэмиграции выходцев из России в Китае. Отдельно рассмотрена деятельность эмигрантских структур по учету эмигрантского населения периода японской оккупации²⁶.

Ряд работ посвящен исследованию привлечения русских эмигрантов к службе в различных воинских формированиях. В обзорной книге по истории русского Харбина О.Г. Гончаренко затрагивал и службу русских эмигрантов японским властям, в том числе в отряде Асано. Монография А.В. Огорокова, которая опирается на материалы ГАРФ и редкие документы из частных коллекций, исследует участие русских эмигрантов в китайской армии в 1920-е гг., а также – в вооруженных формированиях армии Маньчжу-Ди-Го, в том числе в отряде Асано²⁷.

Более подробно военную службу эмигрантов в Китае раскрывает исследователь С.С. Балмасов. Его работа посвящена русской военной эмиграции в Китае, вовлечению русских эмигрантов в китайскую армию, в тексте приводятся отрывки из дневников, документов русской группы войск в китайской армии о службе русских в полиции Китая и Маньчжу-Ди-Го. Рассматривается и деятельность советской разведки по разложению русской эмиграции в Китае²⁸.

Ряд историков изучали противостояние советских и японских органов разведки и контрразведки на поле российской эмиграции в Китае. Исследователь В.Н. Усов уделяет внимание деятельности Коминтерна и советской разведки в Китае, показывает подходы и методы вербовки представителей российской эмиграции советскими спецслужбами²⁹. В.И. Голдин анализирует проведение самих разведывательных и специальных операций, осуществлявшихся иностранным отделом ОГПУ-НКВД, против РОВС, Братства русской правды и других эмигрантских

---

²⁵ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX века). М., 2005.

²⁶ Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск, 2007.

²⁷ Огороков А.В. Русские добровольцы. М., 2004; Огороков А.В. Русские добровольцы. М., 2007.

²⁸ Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М., 2007.

²⁹ Усов В.Н. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007.

структур³⁰. М.В. Кротова в своей монографии исследует появление как русской, так и советской колонии в Китае, их взаимоотношения между собой, а также раскрывает деятельность советской разведки в этот период³¹. Е.Е. Аурилене и С.В. Тужилин, опираясь на ведомственные архивы российских спецслужб, в своем труде осветили деятельность японских и советских спецслужб вербовавших русских эмигрантов³². А.Г. Зорихин освещает работу Японской военной миссии в Харбине и подведомственных ей структур (разведывательные школы, отряды) среди российских эмигрантов³³.

Выходят в свет ряд работ, посвященных повседневности русской эмиграции в Китае. Н.Д. Старосельская в своем исследовании отмечает жесткие порядки японских властей, вызывавшие отъезд многих русских жителей Маньчжурии после продажи КВЖД³⁴. И.К. Капран, основываясь в большей мере на архивных данных, довольно хорошо и подробно показывает разные стороны повседневной жизни русского населения Маньчжурии, в том числе – и в период японской оккупации³⁵. Е.Н. Наземцева прослеживает как менялось правовое положение русских эмигрантов в зависимости от внешнеполитических и внутривосточных событий в Китае в 1920–1940-х гг.³⁶ Отдельная глава посвящена отношению эмигрантов к японским властям и показаны механизмы установления японцами контроля над эмигрантскими кругами через общественные организации. Автор убедительно рисует эволюцию отношения эмигрантов к оккупационным властям от надежды на улучшение условий к разочарованию в их политике.

В 2010-е годы выходит ряд работ, связанных с военной эмиграцией в Маньчжурии. Среди них следует особо выделить исследования С.В. Смирнова и А.М. Буюкова по истории отряда Асано на материалах следственных дел русских эмигрантов, отложившихся в том числе в Архиве

---

³⁰ Голдин В.И. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск; СПб., 2010.

³¹ Кротова М.В. СССР и российская эмиграция в Маньчжурии (1920–1930-е гг.). СПб., 2014.

³² Аурилене Е.Е., Тужилин С.В. Заложники большой политики. Российские эмигранты в Маньчжоу-диго (1934–1945). – М., 2023.

³³ Зорихин А.Г. Военная разведка Японии против СССР. Противостояние спецслужб в Европе, на Ближнем и Дальнем Востоке. 1922–1945. М., 2023.

³⁴ Старосельская Н.Д. Повседневная жизнь «русского» Китая. М., 2006.

³⁵ Капран И.К. Повседневная жизнь русского населения Харбина (конец XIX в. – 50-е гг. XX в.). Владивосток, 2011.

³⁶ Наземцева Е.Н. На дипломатическом уровне: проблемы правового статуса русских эмигрантов в Китае в советско-китайских отношениях 1920–1940-е гг. СПб., 2017.

Управления федеральной службы безопасности Российской Федерации по Хабаровскому краю³⁷.

В зарубежной историографии японские исследователи затрагивали историю Маньчжу-Ди-Го уже со времен Второй мировой войны. Г. Такахаси исследует экономику Маньчжурии в годы войны, привлечение на трудовую службу жителей данного региона, создание из них трудовых дружин³⁸. Из работ общего характера по истории Тихоокеанской войны следует выделить труд Т. Хаттори, в котором показаны причины, ход и последствия войны, затронута политика японских властей в странах в Маньчжурии по построению «Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания»³⁹. Более критическое осмысление событий от вторжения в Маньчжурию до окончания Второй мировой войны представлено в пятитомном труде по истории войны на Тихом океане⁴⁰. Т. Мицунори рассматривал причины вторжения Японии в Маньчжурию, подготовку общественности к этому событию, само вторжение⁴¹. В книге группы «исследователей Тихоокеанской войны» (М. Хирацука, К. Мориямы, Т. Харацумы и Т. Охара) излагаются причины борьбы разных держав за Маньчжурию с начала XX в., показывается политика японских властей по установлению контроля над этой территорией в 1930-е гг., деятельность японо-маньчжурских властей по отношению к местному населению⁴². Непосредственно обращались к проблемам истории русской эмиграции Ю. Нисихару и Я. Макинами, которые анализировали роль русских представителей в различных управленческих структурах Маньчжурии, в том числе в армии, называли причины такого сотрудничества⁴³. Ф. Огино и С. Мицунори исследовали работу японских спецслужб и полиции, которые контактировали с русскими эмигрантами⁴⁴.

---

³⁷ Смирнов С. В. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-Го, 1938–1945. Екатеринбург, 2012; Смирнов С.В., Буяков А.М. Отряд Асано: русские воинские формирования в Маньчжоу-Го (1938–1945). М., 2016.

³⁸ Такахаси Г. Великая Восточноазиатская война и Маньчжуго // Восточное обозрение. Июль–сентябрь 1944. № 19. С. 27–47.

³⁹ Хаттори Т. Япония в войне, 1941–1945. СПб., 2003.

⁴⁰ История войны на Тихом океане: в 5 т. / пер. с яп.; под общ. ред. Усами Сэйдзиро [и др.]; под ред. Б.В. Поспелова. М., 1957–1958.

⁴¹ Мицунори Т. Маньчжурский инцидент. Токио, 1991.

⁴² Иллюстрированная история Маньчжурской империи. Группа изучения войны на тихом океане. Токио, 1996.

⁴³ Нисихаро Юкио Все записи секретной службы Харбина: основные траектории разведывательного управления Квантунской армии. Токио, 1980; Макинами Ясуко Пятитысячная армия – офицеры Маньчжурской национальной армии. Токио, 2004.

⁴⁴ Огино Ф. Токко Кэйсацу («Особая высшая полиция»). М., 2020; Мицунори С. Правда о генерале Акикусе Сюне, основателе школы Накано – японском короле армии шпионов. Токио, 2016.

Интерес к истории русской эмиграции в Китае среди китайских историков проявился только после социально-политических изменений в Китае в 1980-х гг. Ли Син Гэн обзорно исследует историю русской диаспоры⁴⁵. Ван Чжичэн выделяет основные этапы становления русской эмиграции в Шанхае, показывает социальные проблемы русских эмигрантов, рисует их противоречивые взаимоотношения с властями Маньчжоу-Го и режимом Ван Цзинвэя в Нанкине⁴⁶. Чжао Юнхуа изучает прошлое русскоязычной печати на Дальнем Востоке с конца XIX в. до середины XX в.⁴⁷. Особое внимание автор уделит газетам «Русское слово», «Заря», а также «Голос эмигрантов», «Наш путь».

Среди англоязычных исследований важен труд Джона Стефана, в котором на материалах японских, американских и германских архивов, а также русской эмигрантской периодической печати рассматривается деятельность двух русских фашистских организаций в Китае и США⁴⁸. Нонна Райн, изучая историю русской культуры в Маньчжурии, делает акцент на эволюции языка и взаимоотношений русской диаспоры с китайцами и японцами⁴⁹.

Таким образом, в отечественной и в зарубежной историографии изучены такие проблемы как формирование воинских отрядов русской эмиграции; основные направления политических воззрений эмигрантов в эти годы; русская периодическая печать в регионе (без учёта всей совокупности факторов, влиявших на ее функционирование); вопросы эволюции языка и взаимоотношений русской диаспоры с китайцами и японцами. Следовательно, анализ трудов даёт основание сделать вывод о том, что проблемы взаимодействия русской эмиграции с японскими оккупационными и маньчжурскими властями в 1932-е–1945-е гг. во всем их многообразии, направлениях и специфичности не получили комплексного освещения.

Объект исследования – российская эмиграция в Маньчжурии в 1932–1945 гг.

---

⁴⁵ Син Гэн Ли Непостоянства жизни: русская эмиграция в Китае. 1917–1945 гг. Пекин, 1997.

⁴⁶ Ван Чжичэн История русской эмиграции в Шанхае. М., 2008.

⁴⁷ Чжао Юнхуа Русская пресса в Китае (1898–1956). М., 2017.

⁴⁸ Stephan, J. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925-1945. London, 1978; Русское издание: Стефан Д. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945. М., 1992.

⁴⁹ Райн Н.В. Россия – Харбин-Австралия: Сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М., 2005.

Предмет исследования – основные виды взаимодействия в том числе сотрудничество российской эмиграции с японскими властями в Маньчжурии.

Хронологические рамки исследования – 1932–1945 гг. – выбраны с учетом того периода, когда на территории Маньчжурии существовала достаточно многочисленная диаспора российских эмигрантов, пытавшихся, с одной стороны, сохранить свою русскую идентичность, а с другой стороны – выстраивать взаимоотношения с японскими властями, управлявшими этим регионом в данный период.

Территориальные рамки – это территория Маньчжурии, здесь находилось такое государство, как Маньчжоу-Го (Маньчжу-Ди-Го) (с 1934 по 1945 г.), являвшееся полностью подконтрольным японским военным властям, но в то же время обладавшее определенной субъектностью в международном правовом поле: оно было признано как самостоятельное государство многими странами, в том числе Советским Союзом.

Цель исследования – выявить формы институционального взаимодействия русской эмиграции с японскими властями в Маньчжурии и динамику его развития в начале 1930-х – первой половине 1940-х гг.

Задачи исследования:

– определить подходы японских военных властей к русской дальневосточной эмиграции, выявить основные направления взаимодействия японской военной администрации с эмигрантскими структурами;

– провести сравнительный анализ этапов сотрудничества эмиграции с японскими властями, выявить их особенности и характерные черты;

– проанализировать социальную и политическую структуру российской эмиграции в исследуемый период; изучить состав российской эмиграции, сотрудничавшей с органами администрации и участвовавшей в военизированных формированиях Маньчжоу-Ди-Го;

– рассмотреть направления идеологической обработки эмигрантских кругов японо-маньчжурскими властными структурами, показать характерные особенности пропагандистского воздействия на эмигрантскую молодежь;

– оценить степень взаимодействия русских эмигрантских кругов с японскими и маньчжурскими структурами.

Теоретико-методологической основой диссертационного

исследования является институциональный подход, позволяющий рассмотреть роль институтов во взаимодействии российской эмиграции с японо-маньчжурскими властями. Это обусловлено тем, что часть институтов выступала в формате политических организаций, другая – в юридических и социальных нормах, которые должны были выполнять все жители Маньчжурского государства, в том числе и российские эмигранты⁵⁰. Институты представляют собой как совокупность государственных организаций (образовательные учреждения, органы правопорядка), так и устоявшиеся обычаи, приемы, правила поведения. По Д. Норту, главной функцией социальных институтов для индивидуумов было снижение издержек, когда государство обеспечивало защиту и покровительство в обмен на ту же уплату налогов⁵¹. Все вместе взятое использовали японо-маньчжурские власти для ассимиляции и включения эмигрантов в систему Маньчжу-Ди-Го. Опора на институциональный подход позволяет исследовать данную проблему с позиции взаимодействия организаций и людей друг с другом, рассмотреть особенности и влияние различных институтов на русскую эмиграцию, в том числе и органов государственной власти Японии, Маньчжу-Ди-Го, традиции и обычаи китайского региона и самих русскоязычных диаспор. Анализу будут подвергнуты существующие в тот период формальные правила, а также проведена оценка эффективности деятельности государственных институтов японской администрации, призванных установить полный контроль и создавать матрицы поведения русской эмиграции, обеспечивающие всестороннюю поддержку японской позиции в азиатском регионе.

В работе применялись также историко-генетический и историко-сравнительный методы⁵². Историко-генетический метод позволяет наиболее полно раскрыть структуры и методы деятельности военных и политических организаций эмиграции и оккупационных японских властей, являвшихся главными акторами в регионе в рассматриваемый период времени, исследовать процессы, происходившие в среде российской эмиграции в

---

⁵⁰ Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2014. С. 133–135.

⁵¹ Норт Д. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. 1997. № 3. С. 6–17.

⁵² Теория и методология истории. / отв. ред. В.В. Алексеев и др. Волгоград, 2014. С. 387–388; С. 394–395.

Маньчжурии, их трансформацию в ходе смены поколений активных участников военно-политических процессов в регионе, изучить динамику стратегий поведения эмигрантских кругов на различных этапах Второй мировой войны.

Использование историко-сравнительного метода в исследованиях особенностей политического курса и развития российских эмигрантских умонастроений как в Европе, так и на Дальнем Востоке позволяет выявить общие подходы в поведении русских эмигрантов и показать различные социальные практики в деятельности эмигрантских структур, в выборе стратегических союзников и общественного пути развития сообществ, оторванных от своей Родины.

Источниковая база исследования представлена различными видами опубликованных и неопубликованных источников. Их можно разбить на несколько групп: делопроизводственная документация эмигрантских организаций, воинских и полицейских подразделений, а также японских и советских спецслужб, военных и дипломатических структур; учетная и делопроизводственная документация; статистическая информация; материалы аналитического характера советских и японских спецслужб; следственные дела по репрессированным эмигрантам из Китая; материалы периодической печати, а также книги; документы личного происхождения (переписка, дневники, воспоминания); фотодокументы. В исследовании использованы источники, отложившиеся в 12 фондах 8 архивохранилищ: 2 федеральных – Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Российский государственный военный архив (РГВА); 6 региональных – Архив Управления Федеральной службы безопасности по Приморскому краю, Архив Управления Федеральной службы безопасности по Хабаровскому краю, Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ), Государственный архив административных органов Свердловской области (ГААОСО), Библиотека-Фонд «Русское Зарубежье» Дома Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына (Москва), Государственный архив Хабаровского края (ГАХК).

Делопроизводственная документация эмигрантских организаций хранится в фондах ГАРФ (Ф. Р-5826 «Русский общевойсковой союз (РОВС)»);

Ф. Р-9145 «Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций»; Ф. Р-10092 «Коллекция документов по истории Народно-Трудового Союза (НТС)»; ГАХК (Ф. Р-829 «Союз казаков на Дальнем Востоке»; Ф. Р-830. «Главное БРЭМ») и Библиотеке Фонде «Русское Зарубежье» (Ф. 4. «Общая канцелярия Великого Князя Николая Николаевича Романова (Младшего))). В этих архивах содержатся переписка и документация различных организаций российской эмиграции. Материалы аналитического характера советских и японских спецслужб, а также статистические данные о численности эмиграции и отдельных эмигрантских организаций содержатся в фондах ГАХК (Ф. Р-830 «Главное Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии»), а также в сборниках документов из архивов ФСБ и СВР и в изданиях периода Маньчжу-Ди-Го⁵³.

Большую ценность представляют личные дела эмигрантов периода существования Маньчжу-Ди-Го, которые создавались Главным Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи в период 1935–1945 гг. Еще одна категория источников: архивно-следственные дела репатриантов, в них содержатся информация о взаимодействии русских эмигрантов с японскими властями в Маньчжурии. Данная группа источников представлена в фондах ГААОСО (Ф. Р-1 «Архивно-следственные дела»), ПермГАСПИ (Ф. 643/2 «Архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 и Закону РСФСР от 18.10.1991»), Архива УФСБ РФ по Приморскому краю (Ф. ПУ-4666 «Прекращенные архивно-следственные дела», Архива УФСБ РФ по Хабаровскому краю (Ф. АСД П-97686 «Прекращенные архивно-следственные дела»).

Еще одна группа источников – это материалы периодической печати и другие эмигрантские печатные издания. Во всех этих изданиях содержится информация о деятельности самых разных эмигрантских организаций, об общественных мероприятиях, праздниках, днях памяти, русских воинских

---

⁵³ Российская эмиграция и ее подробная характеристика по Маньчжурии. Конфиденциальное издание Японского посольства в Маньчжурии. Февраль 1945 года // Проклятие Морского дракона / авт. сост.: А.С. Емельянов, О.Г. Ларина, В.В. Марковчин, В.И. Муранов. Курск, 2018. Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. док. Южно-Сахалинск, 1994; Политическая история российской эмиграции. 1920–1940 гг.: док. и материалы. М., 1999; Русская военная эмиграция 20–40-х гг. XX века: документы и материалы. Т. 1–10. М., 1998–2017; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1–6. М., 2000–2015; Органы государственной безопасности СССР во Второй мировой войне. Победа над Японией: сб. документов / под ред. О.Б. Мозохина. М., 2020.

отрядах армии Маньчжу-Ди-Го и другая информация, достаточно полно и подробно освещающая общественную жизнь российской эмиграции. Данные издания хранятся фондах РГВА (Ф. 1699к. «Антисоветская, антикоммунистическая фашистская литература, издававшаяся за рубежом»), в Российской государственной библиотеке, научной библиотеке ГАРФ, имеющей коллекцию газет российской эмиграции: «Голос эмигрантов», «Харбинское время», «Время», «Наш путь» и др. В ГАХК имеются подшивки практически всех газет, выходивших в Маньчжурии в 1920–1945 гг.: газеты «Заря», «Голос эмигрантов», «Боевой друг», журналы «Друг полиции», «Луч Азии», «Рубеж».

Изучались источники личного происхождения (дневники, письма, воспоминания самих российских эмигрантов)⁵⁴. Особо выделим альманах «Русская Атлантида», издаваемый с 1998 г. в Челябинске, в котором публикуются воспоминания русских жителей Маньчжурии в 1920–1950-х гг.⁵⁵ Так, в сборнике под редакцией Е.П. Таскиной были опубликованы воспоминания самих русских харбинцев об их пребывании в Китае в разные периоды, рассмотрена общественно-культурная жизнь русского Харбина в первой половине XX в.⁵⁶

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые комплексно и всесторонне рассматриваются различные виды взаимодействия представителей российской эмиграции с японской администрацией в Маньчжурии, не только военное или идеологическое, но и духовной сфере, в т.ч. в образовании. Проведен анализ причин сотрудничества российских эмигрантов с японскими властями в политической, военной и духовной сферах, выявлены этапы этого сотрудничества и их характерные особенности. Показана политика Японии по отношению к русским эмигрантам, которая заключалась в попытке не просто использовать их в

---

⁵⁴ Санников В. Под знаком восходящего солнца: воспоминания. Сидней, 1990; Золотарева Т. Маньчжурские были. Сидней, 2000; Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М., 2003; Китай и русская эмиграция в дневниках И.И. и А.Н. Серебренниковых: в 5 т. Т. 1. Пока же мы счастливы тем, что ничто не угрожает нам... (1919–1934). М., 2006.

⁵⁵ Берзин Г.П. Тайна гибели отряда // Русская Атлантида. Челябинск, 2000. № 3. С. 33–34; Винокуров В. Кавалерийский отряд Асано // Русская Атлантида. 2008. № 29. С. 40–43; Золотарева Т.И. Воспоминание о владыке Мелетии – митрополите Харбинском и Маньчжурском // Русская Атлантида. 2019. № 74. С. 3–4. Крохмаль (Лобанова) А.И. Давно, друзья весёлые, простились мы со школою... // Русская Атлантида. 2019. № 74. С. 32–54; Лалетина Н.Н. Японцы // Русская Атлантида (Челябинск), 2009. № 34. С. 33–39.

⁵⁶ Русский Харбин / сост. предисл. и коммент. Е.П. Таскиной. 2-е изд., испр. и доп. М., 2005. Первое издание вышло в 1998 г.

борьбе против Советского Союза и Китая, но и распространить в среде российской эмиграции духовно-нравственные императивы концепции «Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания», предполагавшей объединение всех народов региона вне зависимости от их расы, национальности или вероисповедания в японское имперское политико-экономическое пространство.

Впервые показано развитие и многообразие культуры российской эмиграции в Маньчжурии и ее поддержка со стороны оккупационных японских структур, объясняющаяся объективной потребностью японских структур власти сохранять самобытность русскоязычной диаспоры в условиях иноязычного и инокультурного китайского окружения, так как это, по мнению японцев, должно было сделать русскую эмиграцию своей верной опорой в китайской среде. Проанализированы причины провала японских действий по встраиванию российской эмиграции в Маньчжу-Ди-Го в японские военные и государственные структуры.

Основные положения, выносимые на защиту.

1. Японские военные и гражданские власти в Маньчжурии пытались не просто оккупировать и использовать земли северо-восточного Китая, но включить все проживавшие здесь этносы в «единую азиатскую семью народов» под японским владычеством, сформировать искреннюю веру в то, что только этот путь принесет экономическое и политическое благополучие всем народам, включая русских жителей, которых рассматривали как важнейшую силу в противостоянии с Советским Союзом. Для этого они использовали различные методы привлечения русских эмигрантов на свою сторону.

2. Местная администрация пыталась привлечь российскую эмиграцию к общественно-политической жизни в Маньчжурии, для чего активно вовлекали её представителей в специально созданные политические, государственные, общественные, молодежные организации, подталкивали к сотрудничеству с русскоязычными прояпонскими печатными изданиями и т.п., являвшимися проводниками японской идеологии в регионе.

3. Выделяется три основных этапа взаимодействия русской эмиграции с японскими оккупационными властями. 1-й этап (1932–1938 гг.) – складывание

институтов маньчжурской государственности и выработка форм сотрудничества русских эмигрантов с японо-маньчжурскими органами управления; 2-й этап (1938 г. – конец 1943 г.) – разработка планов нападения на СССР (план «Оцу» 1940 г., план «Кантокуэн» 1941 г.), милитаризация общественной жизни Маньчжу-Ди-Го и подготовка к войне русских военных отрядов и частей (отряд Асано, Асаеко и др.); 3-й этап (конец 1943–1945 гг.) – этап тотальной войны с англо-саксонским блоком и одновременно стремление избежать военных действий с СССР, подготовка к обороне всего населения.

4. Российская эмиграция в Маньчжурии после оккупации региона Квантунской армии, разделилась на две части: те, кто был не согласен с японским доминированием, покинули страну; оставшиеся фактически уже были готовы признать новую власть, и поэтому практически все (в той или иной степени сотрудничали) с японскими властями.

5. Российские эмигранты играли важную роль в проведении прояпонской, антикоммунистической пропаганды среди русскоязычного населения, несли службу в рядах полиции и армии Маньчжу-Ди-Го, а также при содействии японских военных властей сохраняли свою идентичность в иноязычном окружении. Помогая эмигрантам японско-маньчжурские власти хотели получить своих союзников в данном регионе, а русские эмигранты имели возможность вести свою общественно-политическую и культурную деятельность. В тоже время цена такой помощи заключалась во всемерной поддержке японских властей в Маньчжурии со стороны российской эмиграции.

6. Эффективность деятельности прояпонских структур русской эмиграции была невысокой. Русское население воспринимало их как данность, с которой необходимо мириться. Объективные исторические процессы и, в первую очередь, деятельность Советского Союза в годы Второй мировой войны, ее характер, ход и особенно исход, а также неспособность японской пропаганды ответить на новые вызовы времени привели к изменению отношения большей части эмиграции к японским властям с поддерживающего или нейтрального на негативное.

Практическая значимость исследования. Выводы и положения диссертационного исследования могут быть использованы для дальнейшего

изучения истории русских диаспор в таких стран Восточной Азии, как Япония и Китай в 1930–1945 гг., а также написания общих и специальных курсов по Новейшей истории России.

Апробация исследования проходила на 10 международных конференциях (Санкт-Петербург, 2015, 2017, 2019; Москва, 2016, 2017; 2019, 2022; Харбин, 2020), 2 Всероссийских конференциях (Москва, 2014; Пермь, 2015) и 3-х межрегиональных форумах-конференциях (Пермь, 2020, 2021). Результаты работы отражены в 25 публикациях, в том числе в трех изданиях, рекомендованных ВАК, а также в одной монографии.

Структура работы состоит из введения, трех глав, списка источников и литературы, заключения, приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении работы обосновывается ее актуальность, анализируется степень изученности темы, определены объект, предмет, цель, задачи исследования, хронологические и территориальные рамки, теоретико-методологическая основа, дана характеристика используемых типов источников, раскрыта теоретическая и практическая значимость исследования; основные положения, выносимые на защиту, и структура работы.

В первой главе **«Русская эмиграция в системе органов государственного управления Маньчжу-Ди-Го»** рассмотрены исторические процессы на Дальнем Востоке, на фоне которых происходило взаимодействие русских эмигрантских кругов с японскими оккупационными войсками, подвергнуты анализу эмигрантские структуры, активно сотрудничавшие с японской и маньчжурской администрацией. В период Маньчжу-Ди-Го практически вся российская эмиграция в той или иной мере добровольно или вынужденно взаимодействовала с японскими и маньчжурскими властями. У многих эмигрантов был выбор, и поэтому в Маньчжу-Ди-Го происходил существенный отток русского населения (со 110 тыс. до 60 тыс. человек).

В первом параграфе **«Возникновение Маньчжоу-Го и российская эмиграция»** рассмотрены причины и события, приведшие к оккупации Маньчжурии японскими войсками в 1931–1932 гг., особенности создания и

функционирования Маньчжоу-Го, показано общее положение российской эмиграции в Маньчжурии к началу 1930-х гг. Согласно идеям «Великой Восточноазиатской сферы сопроцветания» и «Нового порядка», главенствующей страной в Восточной Азии будет Япония. Противниками Японии объявились Коминтерн (под которым подразумевался Советский Союз), а также «Фининтерн» (страны англо-саксонского блока, прежде всего, США и Великобритания), который необходимо было сокрушить, освободив народы Азии от «колониального ига». Японские военные считали русских эмигрантов естественными противниками Советского Союза, поэтому они должны были стать важным элементом в построении «Нового порядка» в Маньчжурии. Причинами взаимодействия части русской эмиграции с новыми властями в Маньчжурии стало стремление получить поддержку и помощь в антикоммунистической деятельности, правовую защиту, улучшение материального положения и др.

Во втором параграфе *«Русские эмигранты на службе в Японской военной миссии»* показана деятельность японских разведывательных структур в Маньчжурии (разведывательных школ и отрядов) и служба в этих структурах русских эмигрантов, которых привлекали к самым различным разведывательным и диверсионным операциям, направленных против Советского Союза – это сбор и анализ информации про РККА, погранвойска НКВД, заброска агентуры на советскую территорию, вербовка выявленных советских разведчиков и др.

В третьем параграфе *«Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжу-Ди-Го»* исследована история создания и функционирования крупнейшего административного органа российской эмиграции в Маньчжурии. Созданное при содействии Японской военной миссии Бюро эмигрантов вело учет эмигрантов, привлекало их на службу в различные полицейские и диверсионно-разведывательные формирования, в то же время оказывало благотворительную и иную помощь.

Русские эмигранты служили во многих японских органах власти в Маньчжурии – в Харбинской Главной Японской военной миссии, которая одновременно являлась и органом японской разведки; в маньчжурской полиции, жандармерии и армии. Во многом деятельность большинства

русских эмигрантов контролировалась японскими военными через Главное бюро эмигрантов, имевшее целую систему отделов по руководству разными направлениями общественной жизни русской эмиграции. Отметим, что в то же время в Маньчжурии были и советские граждане, работали советские консульства. Советские дипломаты совместно с советскими спецслужбами вели довольно успешную работу по вербовке среди эмигрантского населения.

В четвертом параграфе *«Русские в Кио-Ва-Кай»* проанализирована деятельность «Общества единения народов Маньчжурской империи» (Кио-Ва-Кай) – организации деятельность которой, пронизывала все сферы общественно-политической жизни в Маньчжу-Ди-Го. Созданная для идеологического воспитания и контроля эта организация привлекала к своей работе и русскую эмиграцию, которая активно была включена в ее деятельность (участие в церемониях, шествиях, съездах, чтение лекций и издание литературы и др.).

В пятом параграфе *«Русские эмигранты на службе в полиции в Маньчжу-Ди-Го»* характеризуется деятельность русских эмигрантов в полицейских структурах Маньчжу-Ди-Го. Созданные из русских эмигрантов лесные полицейские отряды применялись для борьбы с хунхузами и антияпонским партизанским движением в Маньчжурии. Кроме того, русские эмигранты служили в структурах госбезопасности Маньчжу-Ди-Го деятельность которых была направлена на разоблачение советских агентов (были выявлены П.И. Бакшеев, Н.Т. Сукин, В.С. Семенов, Г.И. Клерже).

Вторая глава **«Участие русской эмиграции в военных структурах Маньчжу-Ди-Го»** посвящена военному сотрудничеству русских эмигрантов с японскими и маньчжурскими властями – участием русских эмигрантов в различных военизированных, казачьих и специализированных отрядах в Маньчжу-Ди-Го.

В первом параграфе *«Формирование и деятельность особого отряда Асано»* рассмотрена история этого воинского соединения. Отряд проводил специальные диверсионно-разведывательные операции, направленные против Советского Союза. Проанализирована подготовка, направления и специализация деятельности служивших в нем эмигрантов, в том числе участие в сражении у р. Халхин-Гол в 1939 г., также участие отряда в других боестолкновениях на советско-маньчжурской границе.

Во втором параграфе «*Русские воинские отряды армии Маньчжу-Ди-Го*» разбираются вопросы, связанные с созданием армейских формирований из среды русской эмиграции. Созданные воинские отряды должны были быть использованы для защиты Маньчжурского государства, но были распущены летом 1945 г. из-за опасения японских властей, что существование этих формирований послужит одной из причин скорейшего вступления Советского Союза в войну против Японии. Попытки воссоздать эти отряды с началом боевых действий к успеху не привели. Часть эмигрантов, служившая ранее в русских воинских отрядах, а также студенты, прошедшие воинскую подготовку с оружием в руках с момента, когда поражение Японии стало очевидным, участвовали в боях с японскими частями, способствуя скорейшему завершению боевых действий.

В третьем параграфе «*Добровольческие отряды и дружины Кио-Ва*» показана деятельность парамилитарных формирований в структуре Кио-Ва-кай, в которых русские эмигранты проходили военную подготовку, проводили пропагандистские мероприятия в поддержку японских и маньчжурских властей (участие в парадах и церемониях, военная подготовка русских эмигрантов). Кроме того, дружинники Кио-Ва привлекались для проведения противовоздушных учений среди населения.

В четвертом параграфе «*Захинганский казачий корпус*» рассмотрена деятельность иррегулярного формирования из казаков на северо-западе Маньчжурии, осуществлявшего военную подготовку молодых казаков к предстоящему боестолкновению с частями Красной армии и их воспитание в антикоммунистическом духе. Однако с началом войны корпус не был собран из-за стремительного наступления частей Красной армии.

Третья глава «**Русская эмиграция в идеологических рамках Маньчжу-Ди-Го**» посвящена идеологическому воздействию японских властей Маньчжурии на подконтрольные им круги русской эмиграции. В ней проанализирована деятельность русских эмигрантских общественно-политических организаций и партий, сотрудничавших с японскими властями, рассмотрена духовная сфера русской эмиграции в Маньчжурии.

В первом параграфе «*Общественно-политические организации русской эмиграции в 1930-е – 1940-е годы*» показана деятельность общеэмигрантских

объединений и отдельных эмигрантских организаций антикоммунистической направленности, созданных по инициативе русских эмигрантов при содействии японских властей (Дальневосточный союз военных, Антикоммунистический союз российской дальневосточной молодежи при Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии, Монархическое объединение, Объединение российской эмиграции в Маньчжурской империи, Захинганский антикоммунистический комитет), которые действовали с разной долей успешности; выявлены позиции отдельных русских воинских политических организаций в отношении японской власти (Братства русской правды, Русского обще-воинского союза, Союза казаков на Дальнем Востоке, Союза мушкетеров, младороссов, русских фашистов и солидаристов). Охарактеризована деятельность и причины сотрудничества отдельных русских воинских и политических организаций с японскими властями.

Во втором параграфе *«Русская эмигрантская периодическая печать в Маньчжу-Ди-Го»* рассмотрено сотрудничество русскоязычных газет («Заря», «Харбинское время», «Время», «Наш путь», «Голос эмигрантов», Боевой друг») и журналов («Рубеж», «Луч Азии», «Друг полиции»), в которых размещались антикоммунистические статьи, материалы, которые возвеличивали Японию.

В третьем параграфе *«Духовная жизнь русской эмиграции в Маньчжу-Ди-Го»* проанализированы изменения в таких сферах жизни русской эмиграции, как образование и наука, книжное дело, архитектура и живопись, театральная жизнь, литература, музыка, а также общественная деятельность Русской православной церкви в Маньчжурии. Во всех этих областях японские власти пытались установить свой контроль, встроить русскую духовную жизнь в структуру в Маньчжу-Ди-Го.

В **заключении** подводятся основные выводы исследования. Япония, стремившаяся расширить свое геополитическое влияние в странах Азии в период после Первой мировой войны, определяла территорию Маньчжурии как важнейший плацдарм в своих далеко идущих планах. Своей опорой в Маньчжурии японские власти считали представителей российской эмиграции, среди которых не было общего единства. Единственное, что объединяло большинство русских эмигрантов в Маньчжурии – это неприятие

советского режима и глубокий патриотизм, понимавшийся как преданность идее национальной России.

Среди русских эмигрантов в Маньчжурии выделилось несколько групп.

Первая группа – российские эмигранты, испытывавшие ненависть и неприятие японцев со времен русско-японской войны. Представители данной группы вынуждены были покинуть территорию Маньчжурии в 1932–1935 гг. Так руководство Русского общевойскового союза вообще оказалось под арестом, а затем было депортировано.

Вторая группа – российские эмигранты, не принявшие японских порядков, но демонстрировавшие внешнюю покорность, – стало сотрудничать с советской разведкой (генерал Г.И. Клерже, полковники В.С. Семенов, Я.Я. Смирнов, Г.Х. Наголен (Асерьянц)).

Третья группа – российские эмигранты, которые были яркими антисоветчиками, не принимавшие никоим образом советский строй. Они были готовы пойти на сотрудничество с любыми силами, которые вели борьбу с коммунистическим режимом. Это прежде всего семеновцы (генерал В.А. Кислицын и генерал-лейтенант Л.Ф. Власьевский) и русские фашисты (во главе с К.В. Родзаевским, который изменил свои взгляды после того, когда все рухнуло). Все они рассматривались японскими властями как верные союзники в предстоящей войне с Советским Союзом. Их ставили во главе административных органов, возглавлявших русскую эмиграцию в Маньчжурии (Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи). Выходцев из этой группы японские спецслужбы использовали в различных диверсионных отрядах, устраивавших провокации на маньчжурско-советской границе.

Четвертая группа – это эмигранты, которые не относились к каким-либо политическим организациям, но так или иначе вынуждены были сотрудничать с японскими властями: представители Харбинской епархии, преподаватели, архитекторы, ученые, художники, обыватели. Во многом они были конформистами и поддерживали ту власть, которая была в Маньчжурии на данный момент.

Пятая группа – это молодежь российской эмиграции, которая родилась и росла уже в Маньчжурии, не испытавшая лишений и ужасов революции и

гражданской войны. Вожди российской эмиграции пытались привить молодому поколению уважение и любовь к исторической Родине, национальным традициям, воспитать их в антикоммунистическом духе, навязывать идеи преданности Японии и Маньчжу-Ди-Го и необходимости верного служения им. Однако молодежь не стремилась к возврату прошлого и со временем все больше симпатизировала своей Родине, подразумевая под ней Советский Союз.

Можно выделить два основных вида взаимодействия русских эмигрантов с японской администрацией в Маньчжурии: политическое (поддержка русскими эмигрантскими организациями японских властей; служба русских эмигрантов в административных органах, полиции и армии Маньчжу-Ди-Го) и духовное (сотрудничество Харбинской епархии с японской и маньчжурской администрацией; поддержка японскими властями русской культуры в Маньчжурии).

К причинам взаимодействия и сотрудничества российских эмигрантов с японской администрацией в Маньчжурии следует отнести, во-первых, глубокое неприятие коммунистического режима, который был установлен в России; во-вторых, стремление русской военной эмиграции взять реванш за проигранную гражданскую войну; в-третьих, стремление многих эмигрантов выжить в условиях японской оккупации Маньчжурии.

На первый взгляд, события августа 1945 г. показали практически полный провал японской политики привлечения русских эмигрантов на свою сторону. Подавляющее большинство русских эмигрантов радостно приветствовало приход Красной армии в Маньчжурию. Тем не менее подавляющее большинство российских эмигрантов в Маньчжурии сотрудничали с японскими властями. Многие из них вынуждены были жить по тем правилам, которые диктовали им японские власти. Некоторая часть из российских эмигрантов, разочаровавшись в новых порядках, перешли на просоветские позиции, став в том числе агентами советской разведывательной сети.

Отношение представителей российской эмиграции к Советскому Союзу изменялось. На 1-м этапе (в 1932–1935 гг.), когда происходило знакомство эмигрантов с японскими порядками в Маньчжурии, наблюдалось в основном

негативное отношение к СССР. 2-й этап (в 1935–1941 гг.) – это начало исхода русских эмигрантов из Маньчжу-Ди-Го, вызванное установившимися порядками, а также сочувствием действиям Красной армии в боях у р. Халхин-Гол в 1939 г. 3-й этап (в 1941–1945 гг.) – постепенный переход на просоветские позиции, вызванный патриотическим чувством после нападения Германии на Советский Союз, а также теми изменениями, которые происходили на Родине в годы войны (упразднение Коминтерна, введение погон в Красной армии, восстановление патриаршества и др.).

Таким образом, в среде российской эмиграции более чем за десятилетний период настроения менялись от неприятия до возникновения и усиления просоветских настроений. Все это предопределило крах усилий японской администрации по формированию лояльной к ним российской диаспоры в Маньчжурии.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных журналах и изданиях, определенных ВАК:

1. Яковкин, Е.В. Особенности японской пропаганды среди российской эмиграции в Маньчжурии во время Второй мировой войны / Е.В. Яковкин // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – №2 (59). – С. 204–218 (0,8 п. л.).
2. Яковкин, Е.В. Подготовка и деятельность русских чинов маньчжурской полиции / Е.В. Яковкин // Культурный код. – 2022. – №4. – С. 121–135 (1,0 п. л.).
3. Яковкин, Е.В. К истории одной судьбы русского эмигранта. Николай Борисович Коссов – участник боев на Халхин-Голе / Е.В. Яковкин // Вестник гуманитарного образования. – 2023. – №1. – С. 53–59. (0,4 п. л.).

Монография:

4. Яковкин, Е.В. Русские солдаты Квантунской армии / Е.В. Яковкин. – М.: Вече, 2014. – 318 с. (7,5 п. л.).

Другие публикации:

5. Яковкин, Е.В. Социально-политический и культурный портрет русского Харбина. 1918–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Вестник молодых ученых Пермского государственного национального исследовательского университета [Электронный ресурс]: сб. науч. тр. / отв. редактор В.А. Бячкова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. – Электрон. дан. – Пермь, 2014. – Вып. 4. – С. 494–497

- (0,17 п. л.). URL:http://www.psu.ru/files/docs/science/smu/Vestnik_2014-4.pdf
(дата обращения: 1.10.2014).
6. Яковкин, Е.В. Русская культура в Маньчжу-Ди-Го / Е.В. Яковкин // Агротехнологии XXI века: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посвящ. 85-летию основания Перм. гос. сельскохоз. акад. и 150-летию со дня рождения Д.Н. Прянишникова (Пермь, 11–13 ноября 2015 года). – Ч. 4. – Пермь: Перм. гос. сельскохоз. акад., 2015. – С. 219–223 (0,23 п. л.).
7. Яковкин, Е.В. Диверсионно-разведывательная деятельность Японии и русская эмиграция на Дальнем Востоке в 1932–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Российское японоведение сегодня: к 20-летию Ассоциации японоведов. – М.: ИДВ РАН, 2015. – С. 386–391 (0,29 п. л.).
8. Яковкин, Е.В. Жизненный путь полковника М.Г. Торновского: от соратника барона Унгерна до «сменовеховца» / Е. В. Яковкин // Военная история России XIX – XX веков: материалы VIII Междунар. военно-ист. конф. 20–21 ноября 2015. – СПб.: СПбГУПТД, 2016. – С. 199–205 (0,35 п. л.).
9. Яковкин, Е.В. Униформа русских эмигрантских формирований в Китае (1923–1947 гг.) / Е.В. Яковкин // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: материалы Междунар. военно-ист. конф. / под ред. А.В. Арановича, Д.Ю. Алексеева. Санкт-Петербург, 19 ноября 2015 г.: сб. науч. ст. – СПб.: СПбГУПТД, 2016. – С. 278–283 (0,29 п. л.).
10. Яковкин, Е.В. Роль Японской военной миссии в Харбине в идеологических установках русской эмиграции в Маньчжурии: 1932–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Япония 2016. Ежегодник. – М.: «АИРО – XXI», 2016. – С. 173–180 (0,86 п. л.).
11. Яковкин, Е.В. От монархиста к советскому патриоту: судьба генерального штаба полковника Я.Я. Смирнова / Е.В. Яковкин // Военная история России XIX – XX веков: материалы IX Междунар. военно-ист. конф. / под ред. Д.Ю. Алексеева, А.В. Арановича. – СПб.: СПбГУПТД, 2016. – С. 323–327 (0,23 п. л.).
12. Яковкин, Е.В. Российские эмигранты в полицейских структурах Маньчжоу-Ди-Го: 1932–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Архитектура безопасности и сотрудничества в Восточной Азии: доклады, представленные на IV Межд. конф. молодых востоковедов в Ин-те Дальнего Востока РАН (Москва, 17–18 нояб. 2016 г.). – М.: ИДВ РАН, 2017. – С. 317–322 (0,29 п. л.).

13. Яковкин, Е.В. Русские добровольческие дружины Кио-Ва: история, организация, униформа (1937–1945 гг.) / Е.В. Яковкин // История военного костюма: от Древнего мира до наших дней: материалы II Междунар. военно-ист. конф. – СПб.: СПбГУПТД, 2017. – С.187–195 (0,46 п. л.).
14. Яковкин, Е.В. Кио-Ва-Кай и Российская эмиграция: 1932–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Восточная Азия и изменения глобального миропорядка: доклады, представленные на V междунар. конф. молодых востоковедов в Ин-те Дальнего Востока РАН. (Москва, 16–17 ноября 2017 г.). – М.: ИДВ РАН, 2018. – С. 217–223 (0,35 п. л.).
15. Яковкин, Е.В. Попытки возрождения традиций Русской императорской армии в русских воинских отрядах армии Маньчжоу-Го: 1943–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Россия в эпоху великих потрясений: науч. сб. к 50-летию А.С. Кручинина / сост. А.В. Ганин. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; Русский путь, 2018. – С.533–538 (0,29 п. л.).
16. Яковкин, Е.В. «Убит под Номонханом»: создание культа героя как пример антисоветской пропаганды в среде российской дальневосточной эмиграции (1939 – 1945 гг.) / Е.В. Яковкин // Проблемы Дальнего Востока. – 2019. – №2. – С. 144–149 (0,4 п. л.).
17. Яковкин, Е.В. Исторический очерк Н.М. Николаева о Русской группе Мукденских войск / Е. В. Яковкин // Русская Атлантида. – 2020. – №75. – С. 22–28 (0,35 п. л.).
18. Яковкин, Е.В. Русская молодёжь на «жертвенных работах» в Маньчжу-Ди-Го в годы Второй мировой войны / Е.В. Яковкин // Восточная Азия: прошлое, настоящее и будущее: материалы 7-й междунар. конф. молодых востоковедов. – М.: ИДВ РАН, 2020. – С. 351–359 (0,46 п. л.).
19. Яковкин, Е.В. Создание отрядов камикадзе в отражении русской эмигрантской печати в Маньчжурии: 1944–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studia Studis historica juvenum. – 2020. – №1 (16). – С. 195–201 (0,35 п. л.). URL: <https://www.elibrary.ru/contents.asp?id=44384273> (дата обращения: 29.10.2020).
20. Яковкин, Е.В. Русские эмигранты в Добровольческом трудовом корпусе Маньчжоу-Диго / Е.В. Яковкин // История военного костюма: от древнего мира до наших дней: материалы V и VI Междунар. конф. / под ред. А. В. Арановича,

- Д.Ю. Алексеева. Санкт-Петербург, 21 нояб. 2019 г. и 3 дек. 2020 г.: сб. науч. ст. – СПб.: СПбГУПТД, 2020. – С. 304–309 (0,29 п. л.).
21. Яковкин, Е.В. Деятельность Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи в освещении Харбинской прессы / Е.В. Яковкин // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы Второй науч.-практ. конф. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2021. – С. 312–321 (0,52 п. л.).
22. Яковкин, Е.В. Взаимоотношения Харбинской епархии с японскими властями в Маньчжоу-го и в Северном Китае: 1932–1945 годов / Е.В. Яковкин // Апрельские тезисы [Электр. ресурс]: материалы междисц. науч.-исслед. конф. (г. Пермь, 2–3 апреля 2021 г.). / Пермский государственный национальный исследовательский университет – Пермь, 2021. – С. 299–304 (0,29 п. л.). URL: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Aprelskie-tezisy-2021.pdf> (дата обращения: 19.10.2021).
23. Яковкин, Е.В. Туристические поездки русских эмигрантов в японскую империю: 1936–1940 годы / Е.В. Яковкин // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Studia Studis historica juvenum. – 2021. – №1 (17). – С.141–154 (0,81 п. л.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47128544> (дата обращения: 11.12.2021).
24. Яковкин, Е.В. Советская разведка в борьбе с русской эмиграцией в Китае: 1920–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Тайная история отечественной внешней разведки / под ред. А.И. Колпакиди. – М.: Родина, 2022. – С. 125–146 (1,27 п. л.).
25. Яковкин, Е.В. Образ атамана Г.М. Семенова как первого поднявшего знамя антибольшевистской борьбы в среде эмиграции в период 1932–1945 гг. / Е.В. Яковкин // Гражданская война в памяти русского зарубежья: к 100-летию Дальневосточного исхода и завершения вооруженного противоборства 1917–1922 гг.: материалы межд. науч. конф. Москва, 31 октября – 1 ноября 2022 г. / Дом русского зарубежья им. А. Солженицына; сост. А.С. Кручинин, Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина. – М.: Вифсаида, 2023. – С. 159–167 (0,52 п. л.).

Подписано в печать 04.03.2024 г. Формат 60x84/16
Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. л. 1,74
Тираж 150 экз. Заказ № 36

Отпечатано в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
